

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
RUSISTIKAS UN SLĀVISTIKAS KATEDRA

КАФЕДРА РУСИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ
ДАУГАВПИЛСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

DEPARTMENT OF RUSSIAN AND SLAVIC STUDIES OF
DAUGAVPILS UNIVERSITY

SLĀVU LASĪJUMI
СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ
SLAVIC READINGS

XII

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
AKADĒMISKAIS APGĀDS "SAULE"

2018

Stankeviča A., galv. red. *Slāvu lasījumi XII*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saulē", 2018. 298 lpp.

Станкевич А., гл. ред. *Славянские чтения XII*. Даугавпилс: Академическое издательство Даугавпилсского университета «Саулэ», 2018. 298 с.

Stankeviča A., chief editor. *Slavic readings XII*. Daugavpils: Daugavpils University Academic Press "Saulē", 2018. 298 p.

Zinātniskā komiteja / Научный комитет / Scientific committee

Dr. philol. Stefano Gardzonio, Itālija

Dr. philol. Anne Godart, Beļģija

Dr. philol. Varvara Dobrovoļska, Krievija

Dr. philol. Jeļena Koņicka, Lietuva

Dr. philol. Anatolijs Kuzņecovs, Latvija

Dr. philol. Aurika Meimre, Igaunija

Dr. philol. Ludmila Sproģe, Latvija

Dr. philol. Anna Stankeviča, Latvija

Dr. philol. Ludmila Luceviča, Polija

Dr. philol. Elīna Vasiļjeva, Latvija

Dr. philol. Irina Visocka, Krievija

Rakstu krājuma izdošana apstiprināta Daugavpils Universitātes Zinātnes padomes sēdē 2018. gada 26. novembrī, protokols Nr. 21.

Сборник статей утвержден к печати 26 ноября 2018 года на заседании Ученого совета Даугавпилсского университета, протокол № 21.

The publication of the collection of papers has been approved at Daugavpils University Science Council meeting on November 26, 2018, Minutes No 21.

Korektori / Корректоры / Proof-readers:

Jeļena Semeņeca, Gaļina Sirica, Gaļina Vasiļkova, Ingrīda Kupšāne

Makets / Макет / Lay out:

Marina Stočka

Rakstu krājumu *Slāvu lasījumi* izdod
Daugavpils Universitātes Rusistikas un
slāvistikas katedra.

Сборник статей *Славянские чтения*
издает кафедра русистики и славистики
Даугавпилсского университета.

Collection of papers *Slavic Readings* is
published by the Department of Russian
and Slavic studies.

Adrese / адрес / address:

Vienības iela 13, Daugavpils, Latvija,
LV-5401

Tālrunis / телефон / phone:

(371) 654-71571.

e-pasts / эл. почта / e-mail:

rsk@du.lv, galina.vasilkova@du.lv

ISSN 1407-7817

ISBN 978-9984-14-859-5

© Daugavpils Universitāte, 2018.

Даугавпилсский университет, 2018.
Daugavpils University, 2018.

Светлана Лясевич (Полоцк, Беларусь)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЗНАЧИМОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА

Summary

The Representation of Cultural Significance in the Works by U. Karatkievich

The article deals with the ways of presenting cultural significance in the works by the outstanding Belarusian poet Vladimir Korotkievich. It also examines in detail the representation of lexical significance in the writer's works. It identifies the conceptual metaphors, connected with the notion 'motherland', and the precedent phenomena occurring in the author's texts. The author analyzes the role of colour naming and the ways of the representation of Belarusian culture peculiarities through it. Special consideration is given to the non-equivalent vocabulary and to the peculiarities of the representation of time perception that also represent the national world perception. Distributional analysis helps to determine the significance of Belarusian traditional culture-specific concepts represented in U. Karatkievich's linguistic world-image. The connection between the national and the author's sphere of concepts in Belarusian at the level of cultural signs is determined.

Key words: Belarusian language, precedent phenomenon, precedent name, categorization, comparison, cultural significance, symbol, prototype, colour naming, lexicon, connotation

Процессы категоризации знаний происходят как на концептуальном уровне, так и на языковом. Причем концептуальный уровень является промежуточным между реалиями и их вербализацией. Культурная специфика категоризации проявляется в связи составляющих той или иной категории. Различные по структуре воспроизводимые единицы – это результат структурно-семантической категоризации, а национально специфическая информация, которая в них содержится, может рассматриваться как культурная значимость. По мнению Г. Токарева, *под культурной значимостью понимаются семантические отношения между языковыми единицами, вербализующие результаты концептуализации и категоризации культурного знания*¹. Способы репрезентации культурной значимости разнообразны. Лексические средства представляют собой в этом плане богатый материал. Языковая картина мира лучших представителей словотворчества представляет интерес как отражение национальной концептуализации и категоризации мира, так и индивидуально-авторского мироощущения. Для белорусской культуры одним из таких писателей является Владимир Короткевич.

При выявлении способов представления культурной значимости лексическими средствами, на наш взгляд, особое внимание следует уделить анализу сравнительных оборотов, концептуальных метафор, различных эмоционально окра-

шенных определений, символов, которые касаются Родины, национально-прецедентных феноменов.

Важно выявить, как в языковой картине мира Владимира Короткевича отображены реалии традиционной белорусской культуры, как на уровне культурных знаков прослеживается связь национальной концептосферы белорусского языка с авторской.

Сравнительные конструкции ярко выявляют специфику национального видения мира. В структуре сравнения можно выделить объект сравнения, образ сравнения и основу (признак) их подобия. Функция образа сравнения заключается в том, чтобы представить объект сравнения либо более типично, либо подчеркнуть его необычность. В первом случае образ сравнения сближается с прототипом. Сравняя, человек обычно подбирает в качестве образа сравнения наиболее точный, характерный аналог объекта сравнения, идентичный по тому или иному признаку. Именно в этом образ сравнения сближается с прототипом, который является лучшим образцом категории. В.З. Демьянков вслед за Гивоном выделяет два вида прототипов: 1) *единица, проявляющая в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы*, 2) *единица, реализующая эти свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств*². Прототипы, таким образом, ярко отражают культурно специфичное видение мира, обращая внимание на то, что для носителя языка является типичным.

В творчестве В. Короткевича одним из продуктивных средств репрезентации культурных прототипов являются сравнения по цветовому подобию.

Полагаем, наиболее ярко национальные представления выражены в следующих образах сравнения: *Хлопчык у белым палатне, як мужык; Стаяў перад аканомам бялявы, як лён, глядзеў чорнымі дрымучымі вачыма*³; *Зірнеш — нібы ігруша белая зацвіла*⁴; *З-пад чубкоў бялявых, як салома, / За шчасліўцам сочаць гарачэй, / З зайздрасцю, з чаканнем невядомага / Дзесяць ясных зорчак-вачэй*⁵. Семантика первого сравнения указывает на этнографическую особенность: белорусские крестьяне носят белую одежду. Еще академик Е. Карский отмечал, что *не лишено смысла <...> объяснение эпитета «Белая Русь» по внешнему виду белорусов: в большинстве случаев они одеваются в белые свитки или белые кожухи, носят белые магерки*⁶. Описанный светлый цвет волос тоже связан с представлениями о внешности народа. В следующих дистрибуциях в образах сравнения отражены особенности растительного мира белорусов, а именно ботанические наименования, что приобрели символическое значение. Если сравнение *как лен* характеризует внешность человека, актуализирует цветовой признак волокон растения, а не цветов, то через образ груши как символа Беларуси В. Короткевич выражает чувство радости, т.е. сравнение имеет оценочное значение. Г. Токарев, выделяя две ступени категоризации, оформление коннотации культурно маркированного языкового знака называет первым этапом. *На втором этапе данный знак функционировать как тот или иной культурный эталон, символ. При этом культурно маркированная языковая единица становится константой, универсалией для лингвокультурной группы*⁷. Таким образом, символическое значение рождается из коннотативного.

Именно груша-дичка является мотивом в романе «Колосья под серпом твоим». Груше принадлежит существенная роль в белорусских представлениях об извечном переходе от жизни к смерти и от смерти к жизни⁸, дерево может быть знаком жизни или смерти человека. В произведении Короткевича груша – символ юности Алеся и, вместе с тем, несет семантику переходного состояния, она спутница движения души юноши к зрелости. Груша выступает и как архетип Мирового Дерева, как ориентир, имеет также семантику границы, которая разделяет пространство и время действия: *Быццам і не было ні людзей, ні закуранай нізкай будыніны на беразе. Толькі груша... За ёю ляжалі прыдняпроўскія адхоны, вёскі, пушчы і мястэчкі. За ёю стаялі замшэлыя замкі, чорныя хаты і старажытныя беляы званіцы*⁹.

В некоторых контекстах ассоциация белого цвета с Родиной не опосредована через конкретные предметы и символы: *Ў крыві краіны нашай бэль, / Прыходзіць час смяротных сноў, / І нашай волі карабель / няскораны ідзе на дно*¹⁰. Эквивалентом Родины можно назвать народ, который опять-таки у автора белый: *Мужны народ у прыцемку чорным, / Бёлы народ, што не хоча змаўчаць, / Смела ірвецца ўгору, і ўгору, / Проста насустрач пагрозным мячам*¹¹.

В белорусской традиции символическим является образ всадника на белом коне, который неоднократно встречается в творчестве В. Короткевича: *Я з табой! Ты мой боль! Я кахаю! Меч са мной! Я скачу. Я скачу, Ўспамінаючы песню былога, як песню сённяшніх дзён: «Каханне на ложку ў другога... Рві жылы, мой бёлы конь»*¹². Всадник на белом коне был изображен на древнем белорусском гербе «Погоня», образ передает символику победы, освобождения. По мнению В.Г. Кульпиной, культурнозначимые цветообозначения, составляющие вместе с указанным ими словом единое концептуальное целое, представляют собой культурное достояние данного этноязыкового сообщества, и должны изучаться и анализироваться как факты культуры¹³. Это замечание справедливо и для некоторых образов, использованных в творчестве В. Короткевича.

Родина окрашивается автором не только в белый цвет: *Беларусь! Зялёная, залатая! Край мой светлы, што выпіў мора пакут!*¹⁴; *Не сумуй, што далёка твой край і зялёны і сіні...*¹⁵; *Усей радзіме, што катам без жалю скрываўлена / І ўсе ж застаецца маей зямлей / Залатой, адвечнай, лепшай адзінай...*¹⁶. Разнообразие цветообозначений свидетельствует об особенном отношении автора к Отчизне. Продуктивно в определении Родины автор употребляет золотой цвет, в первую очередь, как цвет ценности, в чем значительную роль играет переносное значение слова.

Частым образом сравнения по признаку желтого цвета является мед: *Збытанья валасы, магутныя, нецяперашнія сківіцы, жоўтыя, як мёд, і беляы, значна святлейшыя, чым цяпер, валасы, люты агонь у сініх вачах»*¹⁷; *жоўтыя, як мёд і лён, распатланыя валасы...*¹⁸; *Белавалосы, з залацістымі вачыма – бы напоены сонцам мёд, – відаць, трошкі слабейшы за Алеся, хударлявы, ён стаяў на кіліме...*¹⁹. Мед как устойчивый образ сравнения культурно обусловлен, так как издревле являлся ценным продуктом жителей лесистой местности, одним из занятий которых было бортничество.

Сравнения с элементами цветового кода «синий» у В. Короткевича всегда имеют позитивную эмоционально-экспрессивную окраску. «Синий» – цвет Оте-

чества. Этот колоритом иногда замещает образ Беларуси: *Няхай няшчасная, няхай забітая і абылганая, але свая, найлепшая ў свеце, сіняя, чыстая, як першае каханне, да якога не прылінае ніякі бруд, як бы ён не цягнуўся... — «Сіняя-сіняя?» — з радасным недаверам спытала яна. — Сіняя-сіняя...*²⁰

Прототипом красного цвета традиционно является кровь. Кровь В. Короткевичем сравнивается с клюквой, ягодами белорусских болот: *Журавінамі / Кроў мая на куп'і гарыць*²¹; *Яны счэпляліся ў стычыцы, разыходзіліся, зноў сыходзіліся, і кроў гарачымі чырвонымі журавінамі пырскала на мхі*²². Клюква у автора ассоциируется с потерянной кровью, воплощающей жизнь. Встречается клюква как прототип красного цвета и в метафорах: *Нехта разліў на цэлай палове неба журавіны сок*²³. Образ этих ягод является культурно обусловленным, так как непосредственно связан с болотом — пейзажем, характерным для ландшафта Беларуси. *Отдельные реалии, соответствующие совокупности элементов географической среды*, — утверждает И. Чарота, — *в сознании его обитателей фиксируются как типичные (стереотипные) представления о родном крае, как «образы родины». Вырисовывается пейзаж, который может нести идеограмму «этнос во Вселенной», соответственно и воспринимается*²⁴. Для белорусов — это болото, а клюква — его часть. Это проявляется в языковой картине мира: образное переосмысление в метафоре этнически знаковой реалии через язык конкретного писателя превращается в составной элемент концептосферы национального языка.

Еще один символ красного цвета, культурно значимый для автора — цветок, символизирующий жизнь, жизнелюбие, красоту, любовь к Родине, — шиповник. Мотивом этот символ проходит через все произведение *«Ладья отчаяния»* (12 случаев употребления лексемы и дериватов): *жаданая, як жыццё, шыпына; чырвонай кропляй разгаралася на грудзях Гервасія кветка шыпыны; пажар шыпынавай кветкі; ветка; Бласлаўляю ад першага цвіцення шыпыны і да гэтага вось апошняга кроку, які зараз зраблю*²⁵ и т. д. Жизнеутверждающую символику цветка подкрепляют «красные» тропы с лексемами семантической группы «огонь». Актуализируются соответствующие смыслы красного цвета и огня как символов жизни.

При персонификации образа детства маркером культурной значимости в контексте является бело-красное цветовое сочетание, характерное для белорусской традиционной культуры (цветок шиповника в белых волосах): *Дзяцінства імчыць вясёлае / На мокрых конскіх гарбах, / Засмаглае, напаўголае, / З шыпынаю ў белых чубах*²⁶.

В. Короткевич через антонимию конкретизирует свои представления о Родине: *Чарада нада мной жураўліная, / Пада мною — балот віры*²⁷; *Ўсе шляхі прыводзяць не да Рыма, / А да родных вербаў і бяроз. / Любая, ў барах сівых радзіма, / Сын твой нарадзіўся тут і ўзрос*²⁸. Смысловая оппозиция «чужбина — родина» представлена образами Рима и родных верб и берез. Писатель оспаривает известную латинскую поговорку, ставя в оппозицию вечному городу белорусскую природу, традиционные белорусские образы-символы. В обоих контекстах В. Короткевич использует конструкции с предлогами с пространственным значением. Поэт обозначает через использование антонимии ценностные ориентиры лирического героя.

У В. Короткевича наблюдается культурно маркированное обозначение времени посредством использования исторической модели времени. Автор часто избегает точного указания на дату, а ориентиром избирает время жизни известной личности, историческое событие или праздник: *Было гэта праз некалькі год пасля таго, як Прыдняпроўе адпала ад «Кароны»²⁹; Касіць пачалі значна раней Янавага дня³⁰; Гэта табе не ў часы Радзішчава³¹; На радаўніцу ўсе ў наваколлі даведаліся, што Міхаліна Раўбіч заручылася з графам Іллэй Хаданскім³²*. Такой способ временной ориентации соответствует народному мировоззрению, в котором временными ориентирами выступают праздники народного календаря или известные события. Исторические образы используются и в сравнительных конструкциях: *Крыжацкай навалай з паўночных меж Падпаўзае пад стромы зіма³³*. Тут сравнение служит отражением концептуальной метафоры «зима — враг» и переносит понятия, характеризующие отношения людей в понятийную сферу отношений «человек — время, окружающая действительность». Причем образ сравнения иллюстрирует любовь автора к исторической тематике, воссоздает культурные представления: образ крестоносцев белорусами всегда воспринимался исключительно враждебно, как угроза.

Индивидуально-авторским обозначением древности, длительного промежутка времени выступает словосочетание *триста лет* и его дериваты: *Ды і нашто? У задушной кватэры / Кволяя думкі ў шытак пісаць? / Ў бога хлусні і нажывы верыць? / Трохсотгадовыя транты збіраць³⁴; Мяне яны вылепяць, пэўна. / Ў трыста год: без зубоў, / Без ідэй, без радкоў, без душы...³⁵; Яму яшчэ трыста год будзе патрэбен сапраў з бузуном³⁶*. Надо отметить, что это словосочетание употребляется автором для обозначения срока, когда вещи исчерпывают свой лимит полезности, они становятся ни к чему не пригодны. Предполагаем, что отрицательная коннотация такой ассоциативности культурно и исторически обусловлена и следует из насыщенности негативными событиями времени трехсотлетней давности для белорусских земель. Автору как историку это было хорошо известно, что и трансформировалось в соответствующий образный вид: *Як трыста год таму ляццяць арканы, Ізноў навала, барацьба і жах³⁷*. Возможно, XVII век виделся автору временем потерь, а не достижений: войны с Московским царством, антифеодалная война, война со шведами, запрещение использования белорусского языка — все это после расцвета белорусской культуры в эпоху Возрождения выглядит довольно трагически. С другой стороны, основой для устойчивой семантики упомянутой единицы времяобозначения, возможно, является смысловое суммирование: век, столетие — единицы, которые обозначают древность, большой промежуток времени, а число три выступает как мифоритуальный символ, *фігуруе ў многіх архаічных абрадах³⁸* и таким образом преумножает до символического уровня семантику вековой давности с отрицательной коннотацией.

Есть у автора и персонафицированные образы времени, связанные с традиционной культурой: *Разам з яснай усмешкай няўхільнага жніўня-касца Мы стаім супраць раці тваёй...³⁹*. Здесь время для героя — соратник в бою с ратью привидений бывшей любви. Придаток «касца» не только указывает на крестьянские занятия, характерные для августа, но и представляет образ месяца с крестьянским

оружием. Эпитет «няўхільнага» указывает на непрестанное движение времени-убийцы (возникает ассоциация с образом смерти, атрибутом которой также является коса). Но для лирического героя это спасительное убийство, что подчеркнуто положительной коннотацией метафоры.

Безэквивалентные языковые единицы как нельзя лучше иллюстрируют постулат о том, что народ называет лишь то, что им осознается, а осознается то, что имеет значение для лингвокультурной общности. Культурную значимость в первую очередь имеют лексемы-названия одежды, обуви, еды, предметов хозяйской утвари, которые являются специфичными для белорусского культурного региона: *Гён пайшоў, заграбуючы поршнямі пьл*⁴⁰; *Цэбар крупніку дадуць на тыдзень, акрамя сухога, то хочаш адразу з'еш, хочаш – раздзялі*⁴¹; *Толькі два старэйшыя – кожнаму год на адзінацаць – сядзелі, абкруцішы клубы кужэльнымі сарочкамі*⁴²; *Усе ў стракатых андараках з хвандамі, у рознакаляровых кабатах, якія так ёмка і зусім павомай сцягвалі іхнія <...> тулавы*⁴³.

Понятие прецедентности существует как способ присоединения личности к известным и сформированным в обществе моделям поведения и ситуациям. Прецедентные имена очень часто соотносятся с тем или иным типом поведения, представляют ценностные ориентации, являются своеобразными символами ценностей. Национально-прецедентные феномены известны любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входят в когнитивную базу этого сообщества: *Дарослым будзе ён чытаць Купалу, І замест юнай, з'едлівай Паўлінкі Паўстане гэты сталы добры твар...*⁴⁴; *Выходзіць пад бомбы ў дарогу, / Захапіўшы з сабою / Акрым шчоткі зубной / Багдановіча, Танка, Купалу, / І Коласа, і Панчанку, / І Эклезіяста, / І – ў сэрцы – бога*⁴⁵. Имя Янки Купалы выступает прецедентным и символизирует вхождение в белорусскую культуру, а имя его героини Павлінки ассоциируется у носителей языка с типажом белорусского женского остроумного характера. Во втором случае Короткевич называет знаковые имена белорусской культуры, которые метонимически обозначают книги этих авторов. Причем упоминание рядом с книгами в тексте такой прозаической вещи, как зубная щетка, подчеркивает ежедневную необходимость в них.

Таким образом, культурная значимость, представленная лексическими средствами в произведениях В. Короткевича, указывает на актуальность тех или иных явлений действительности, выделяет среди них ценные для носителей языка, объективирует актуальные для той или иной лингвокультурной общности или социума знания, раскрывает особенности концептуальной картины мира автора. Среди продуктивных способов вербализации культурной значимости в текстах В. Короткевича можно выделить сравнения, метафоры, антонимические, ассоциативные парадигмы, безэквивалентную лексику, прецедентные единицы. Особенно выразительным средством представления культурной информации выступают цветочные сравнения, которые не только свидетельствуют о таланте В. Короткевича в создании яркой образности художественного текста, но и представляют собой концентраты индивидуальных приоритетов автора, когнитивную переработку знаний и их репрезентации как части национальной модели мира. Сравнения содержат цветочные культурно значимые образы (клюква, лен, василек, мед). Это

преимущественно образы белорусской природы, которые писатель использует с постоянными символическими смыслами. Цветовой образ в сравнительных конструкциях превращается в цветосимвол. Сравнения по цветовому подобию являются одним из продуктивных средств репрезентации национальных прототипов. Светообозначения в произведениях В. Короткевича маркируют культурную значимость окрашенных реалий, а также непосредственно цвет в художественном тексте приобретает статус символа. Обозначение времени автором происходит через известные носители культуры события, тем самым маркируются культурно значимые временные точки.

Репрезентация культурной значимости в текстах В. Короткевича отражает взаимодействие концептуальной и языковой картины мира белорусского народа и авторской. При этом в выявлении доминант национального мировосприятия важную роль играют художественные произведения писателя.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Токарев Г. В. *Лингвокультурология: Учебное пособие*. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009, с. 80.
- ² Демьянков В.З. Прототипический подход. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996, с. 140.
- ³ Караткевіч У. *Каласы пад сярпом тваім*. У 2 кн. Мінск: Юнацтва, 1995, кн. 1, с. 41, с. 117.
- ⁴ Там же, кн. 2, с. 616.
- ⁵ Караткевіч У. Дзедзі. *Збор твораў у васьмі тамах*, т. 1. Мінск: Мастацкая літаратура, 1987, с. 34.
- ⁶ Карскі Я. *Беларусы*. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001, с. 106.
- ⁷ Токарев Г. В. *Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография*. Волгоград: «Перемена». 2003. с. 57.
- ⁸ Швед І. «На залатым полі стаяла залатая ігрушка...»: вобраз грушы ў беларускім фальклоры. *Роднае слова*, № 10, 2004, с. 111.
- ⁹ Караткевіч У. *Каласы пад сярпом тваім*, кн. 1, с. 8.
- ¹⁰ Караткевіч У. Павешаным 1863 года. *Збор твораў...*, т. 1, с. 281.
- ¹¹ Караткевіч У. Мужныя мятлушкі, там же, с. 218.
- ¹² Караткевіч У. Падмогі!, там же, с. 212.
- ¹³ Кульпина В. Г. *Лингвистика цвета*. Москва: Московский Лицей, 2001, с. 403.
- ¹⁴ Караткевіч У. Слова пра чалавечнасць. *Збор твораў...*, т. 1, с. 131.
- ¹⁵ Караткевіч У. На роднай магіле, там же, с. 215.
- ¹⁶ Караткевіч У. Слова пра чалавечнасць, с. 109.
- ¹⁷ Караткевіч У. *Каласы пад сярпом тваім*, кн. 2, с. 583.
- ¹⁸ Там же, с. 688.
- ¹⁹ Там же, кн. 1, с. 79.
- ²⁰ Караткевіч У. Сіняя-сіняя. *Збор твораў ...*, т. 2, с. 289.

- ²¹ Там же, т. 1, с. 164.
- ²² Караткевіч У. Пасмяротная гісторыя аднаго цецерука. *Творы: Проза, драматургія, публіцыстыка*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1996, с. 281.
- ²³ Караткевіч У. Барвяны шчыт. *Збор твораў...*, т. 2, с. 353.
- ²⁴ Чарота І. Балота — архетып беларускі? *Роднае слова*, № 2, 1994, с. 48.
- ²⁵ Караткевіч У. Ладдзя Роспачы. *Збор твораў...*, т. 2, с. 119—155.
- ²⁶ Караткевіч У. Начлег. *Збор твораў...*, т. 1, с. 46.
- ²⁷ Караткевіч У. Калі памірае каханне. *Збор твораў...*, т. 1, с. 159.
- ²⁸ Караткевіч У. У дняпроўскіх хвалях, бы ў калысцы. *Збор твораў...*, т. 1, с. 31.
- ²⁹ Караткевіч У. *Каласы пад сярпом тваім*, кн. 1, с. 4.
- ³⁰ Там же, с. 136.
- ³¹ Там же, кн. 2, с. 131.
- ³² Там же, с. 56.
- ³³ Караткевіч У. Прысненне зімы. *Збор твораў...*, т. 1, с. 250.
- ³⁴ Караткевіч У. Зноў над ракою чаплі сівыя. *Збор твораў...*, т. 1, с. 171.
- ³⁵ Караткевіч У. Таруская віла. *Збор твораў...*, т. 1, с. 169.
- ³⁶ Караткевіч У. *Каласы пад сярпом тваім*, кн. 1, с. 234.
- ³⁷ Караткевіч У. Зямля дзядоў. *Збор твораў...*, т. 1, с. 314.
- ³⁸ *Беларуская міфалогія: Энцыкл. слоўн.* / С. Санько і інш.; склад. І. Клімковіч — 2-ое выд., дап. Мінск: Беларусь, 2006, с. 506.
- ³⁹ Караткевіч У. Таруская віла, с. 171.
- ⁴⁰ Караткевіч У. *Каласы пад сярпом тваім*, кн. 1, с. 135.
- ⁴¹ Там же, с. 58.
- ⁴² Там же, с. 9.
- ⁴³ Там же, с. 208.
- ⁴⁴ Караткевіч У. На пачатку дарог. *Збор твораў...*, т. 1, с. 4.
- ⁴⁵ Караткевіч У. Кнігі, там же, с. 242.